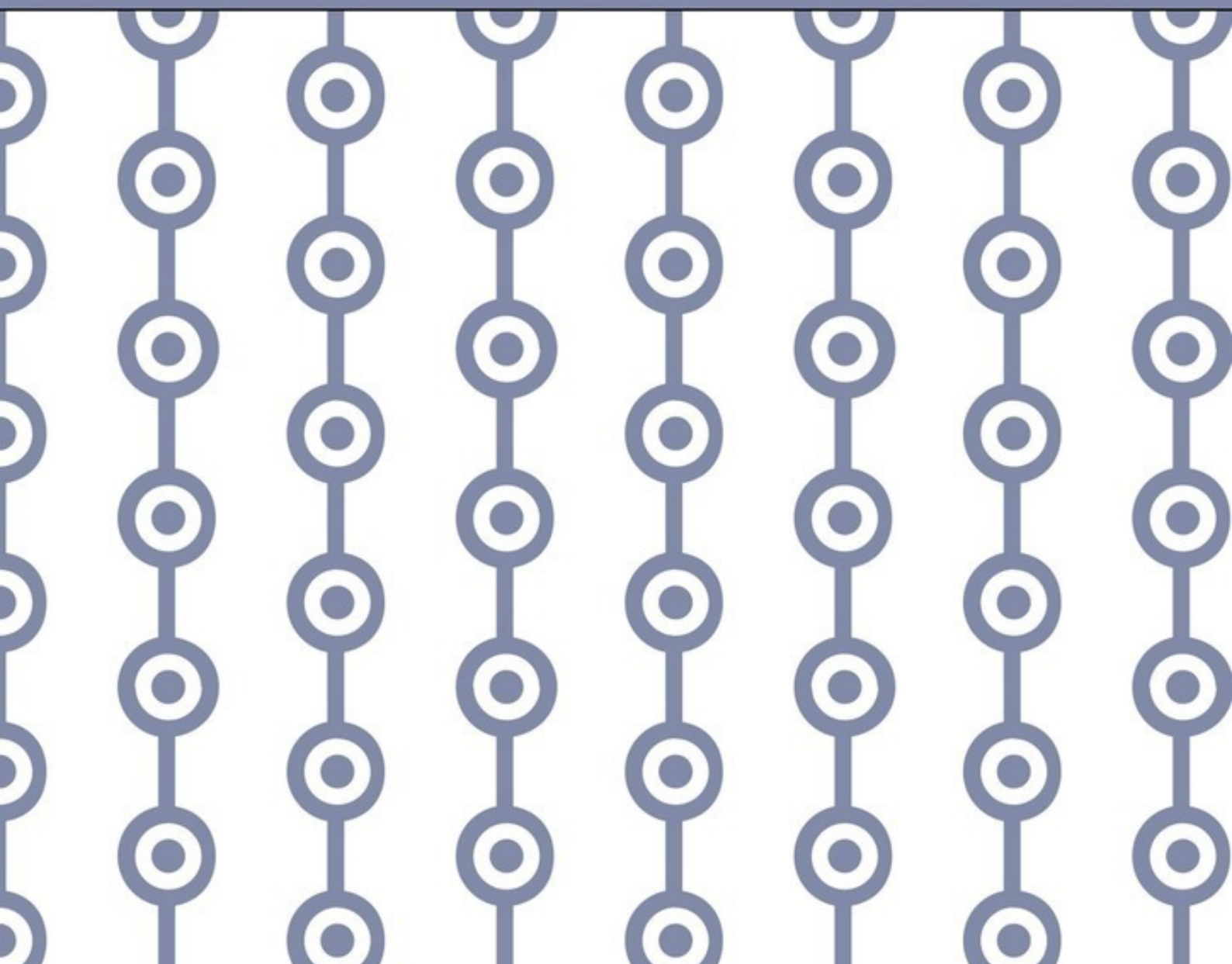

Алекс Фриман

Проснуться мертвым

Алекс Фриман

Проснуться мертвым

«Издательские решения»

Фриман А.

Проснуться мертвым / А. Фриман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855248-9

Ричи с детства был позитивным человеком, но внезапно впал в глубочайшую депрессию, открывшую ему новые грани сознания и жизни в целом. Но самые главные друг и враг — в нем самом, а вся его жизнь — мираж. Чем закончится путешествие героя внутрь себя, если Ричи не один в своем теле?

ISBN 978-5-44-855248-9

© Фриман А.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Проснуться мертвым

Алекс Фриман

© Алекс Фриман, 2017

ISBN 978-5-4485-5248-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Депрессия – замечательное состояние. Ты начинаешь чувствовать жизнь, чувствовать себя. Мир предстает перед тобой в новых красках. Люди уже не такие добрые и хорошие, им вообще плевать на твое существование. Все, чем ты занимался раньше, становится скучным и безынтересным. Эскапизм – уход от реальности в собственные миры. Там ты находишь нового себя, настоящего и живого. Там хранятся твои чувства, эмоции, память и мечты. Там есть только ты и все, что ты хочешь. Там хранятся твои желания и настоящие ощущения, которые льются чистым потоком на бумагу стихами, прозой, нотами, красками...

Моя история началась не так романтично, как хотелось бы, но имела финал красочный, хоть и грустный. Я не отличался ни красотой, ни умом, ни материальными благами. Единственное, что было во мне, это стремление к прекрасному, к тому, чего давно уже нет в мире. Я создавал это в себе и пытался донести людям, но они топтали все это в грязи, не признавая и отвергая. Им чужды красота и любовь. Они считают, что за деньги могут купить все, что захотят, и рады этому. Но вместо любви покупают ночь с человеком, вместо знаний – непонятные им книги, вместо здоровья – медикаменты, вместо жизни – иллюзии. Друзья мои мало чем отличались от остальных. Их было мало, но они были настоящими. Почему-то они называли меня Богачом, хотя большими средствами я никогда не располагал. У меня не было ни высокооплачиваемой работы, ни богатых родственников, ни сбережений в Швейцарском банке. Я был один, семья из одного человека, работал в банке с надоевшими мне бумагами и получал мизерную заработную плату, которой едва хватало на оплату счетов за коммунальные услуги, интернет и проезд до осточертевшей мне работы. За хорошо выполненные задания я получал премии, которые мог потратить на развлечения с друзьями и алкоголь. В 25 лет я попробовал написать первую книгу. Пришлось взять псевдоним, чтобы коллеги по работе не смотрели на меня косо. Книга обрела успех. Никто, кроме издателей, не знал настоящего имени автора. Мне понравилось то ощущение счастья, радости за столь удачный ход дел. Я был всегда добрым, веселым парнем и старался описать свои чувства на бумаге. Пришлось придумать историю, чтобы мой псевдоним выглядел настоящим, живым человеком. У него было все, чего не было у меня: деньги, слава, место в обществе, не самое плохое, и любовь. Я наградил его своими чувствами и видением прекрасного. У него были деньги, поэтому к нему стали прислушиваться. Мои мысли были услышаны и приняты, но не реализованы читателями. Зачем чувства, когда есть деньги?

Мои родители погибли в автокатастрофе, когда мне было всего десять лет. Удивительно, но я их почти не помню. Моим воспитанием занимался дядя, наркоман и алкоголик, который постоянно порывался вынести что-нибудь из дома и обязательно побить меня при этом. В пятнадцать лет я ушел из дома и начал жить у друга. Школу не бросал, окончил ее с золотой медалью, затем поступил в университет, где учился посредственно. В школе мне просто везло, меня любили. Во взрослой жизни все было сложнее. Меня считали странным, но все же не избегали. Странное дело, но я никогда не впадал в уныние, меня не терзали

ни тоска, ни чувство одиночества, я не понимал людей, страдающих от витальной тоски¹. Но всему свое время. Тяжкая участь настигла и меня.

Я ехал по трассе в соседний город. Мой старенький «Форд» выжимал максимум. Над головой ярко светило солнце, играя лучами в утренней росе. Что-то внутри заставило меня остановиться и выйти из машины. Немного позже я стоял на краю дороги и не понимал, что я делаю, зачем стою, что меня заставило это сделать. Не знаю, сколько времени прошло, но, когда я пришел в себя, на небе собрались тучи и зарядил дождь, холодный и проливной. Я посмотрел вверх, и тут острая игла пронзила мою грудь. Я присел, сжавшись в клубок. Мои крики не были слышны из-за раскатов грома. Мои слезы смешивались с дождем. Я стал маленькой черной точкой в центре серого мира. Истерика не хотела прекращаться, хотя прошло довольно много времени. Казалось, вся боль, которая накопилась во мне за все эти годы, решила вылиться в один момент.

К вечеру мне стало легче. Небо тоже прояснилось. В душе уже не было того беспечного спокойствия, как обычно. Наоборот, теперь все казалось унылым и мрачным. Больше я не мог улыбаться. Из доброго веселого парня я превратился в унылую глыбу, бесконечно тяжелую и темную.

Тем же вечером я узнал, что умер от передозировки дядя. Эта новость меня ничуть не тронула. В моем мире, тяжелом, влажном и душном, было мало света, звук старался не проникать сквозь толстые стены отчуждения, а мысли становились настолько пустыми и материальными, что казалось, будто они могут толкаться, занимая место, и без того маленькое и неудобное, в тесном мирке. Незаметно для себя я выпил две чашки чая, а затем пол-литра виски, сделал в квартире уборку, после которой хаос только набрал обороты, и полил цветы, которые наутро почему-то завяли. Лишь пару дней спустя я понял, что полил их остатками виски. Но меня это не касалось.

На работу я приезжал автоматически, выполнял какие-то поручения, подписывал непонятные бумаги, на ланч съедал пару бутербродов, запивая кофе, а вечером приезжал в пустую квартиру и садился на диван. Какие прекрасные обои были предо мной! Мне казалось, будто по зеленому полю прыгают одинокие, брошенные барашки. Совсем как я. Я любовался ими и грустил. В моем сознании раскрывались поля и равнины, по которым бежали молодые барашки, а с ними бежал я, такой же забытый и никому не нужный. Серые тяжелые тучи закрывали солнце, колючие нити дождя пронзали насквозь тело и душу. Мы были обречены...

Погода отказывалась соответствовать моему внутреннему состоянию: яркое солнце палило нещадно, птицы заливались трелями. Друзья несколько раз звали меня на пляж, пытались вытащить на прогулку, но все заканчивалось либо их обиженным уходом, либо нашей общей попойкой у меня дома. Будучи в состоянии алкогольного опьянения я ненадолго забывал о своих мирах и вылезал наружу, подобно черепахе. Анна, моя подруга, часто ругала меня за мое вялое поведение, иногда пыталась разговаривать со мной, но в итоге сама о чем-то задумывалась. Ей казалось, что я переживаю смерть дяди. Да пошел он! Сколько боли он мне причинил, сколько раз пытался убить?! А сколько унижений и оскорблений я вынес? Я раньше никогда не понимал всей ситуации, но сейчас... я очень рад, что он умер. Жаль, что от наркотиков, а не от моей руки.

— Ричи, что с тобой случилось? — Анна обняла меня и посмотрела в глаза, — Мы тебя не узнаем! Раньше ты всегда был веселым и общительным, а сейчас почти все время молчишь и смотришь в никуда, а порой срываешься и ругаешь все, что видишь. Если у тебя какие-то проблемы, просто скажи мне об этом...

¹ Ощущение душевной боли как равнозначной или почти идентичной физической, ощущается чаще всего где-то в области сердца, реже — в другой части тела

– Отстань уже! А лучше – дай пива...

– На, держи, – Анна спокойно потянула бутылку из маленького холодильника. Больше она меня не трогала.

Поздно ночью друзья начали расходиться. Последним ушел Марк, я закрыл за ним дверь и упал на диван, закрыв глаза и представляя, как падаю вниз с высокой скалы. Голова кружилась, внутри все кипело и готово было излиться наружу. Едкая кислота обжигала желудок. Я услышал чьи-то шаги, но мне было уже все равно, кто там.

– Ты снова грустишь? – послышался голос Анны, – Эй, дружок! Успокойся! На вот, попробуй, – она протянула к моим губам сигарету. Сладкий запах окутал меня плотной пеленой тепла и спокойствия, я сделал затяжку, и кислота начала отступать. На смену ей пришли стотонные мысли и придавили грудь, отправляя содержимое желудка обратно, вниз. Голова наполнилась сладким туманом.

– Что тебе надо? – спросил я вяло.

– Я хочу, чтобы ты расслабился, – Анна говорила нежным голосом, поглаживая меня по рукам и груди, – Я нашла у тебя бутылку коньяка. Она почти закончилась. Допьем?

– Дай, – я выхватил бутылку из ее рук и, резко поднявшись, сделал глоток. Голова закружилась, комок тошноты подошел к горлу.

– Теперь я, – Анна засмеялась и выпила. Она слишком много смеялась, а меня слишком сильно кружило.

Мы допили коньяк и докурили сигарету. Руки Анны обвили мою шею, а жаркие губы прильнули к моим, холодным и бесчувственным. Меня тошнило, я хотел остаться один, но противный мужской голос в голове сказал:

– Сделай это!

Утром было еще хуже. Солнце противно резало глаза, внутри все кружилось, как в центрифуге. Ком подкатил к горлу, и мне пришлось бежать к туалету. Все, что вчера было съедено и выпито, вышло наружу. Во рту была горечь, нутро обжигала кислота. Я поднялся к раковине и посмотрелся в зеркало. Отражение блестело красными глазами и смотрело прямо в душу. Затем оно улыбнулось. Я отшатнулся. Улыбка в отражении испарилась, остался хитрый взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.